

С. В. Иванова, В. В. Цимиданов

Воинство в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья

Изучение общественного строя населения ямной культуры берет начало от известной работы А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, авторы которой рассматривают данное общество как классическое родовое и отмечают отсутствие в нем имущественной дифференциации [1, с. 141]. В дальнейшем взгляд на уровень социального развития ямного общества изменился. Исследователи стали констатировать наличие в нем родоплеменной знати [2, с. 137; 3, с. 131–134]. Возрастание объемов раскопок курганов в 70–80-е гг. XX в. многократно расширило базу источников, а обнаружение большого числа неординарных погребений стимулировало рост интереса к проблемам социологической интерпретации ямных древностей. Данная проблематика стала предметом рассмотрения во многих работах, в том числе и специально посвященных изучению социальной структуры ямного общества [4; 5; 6; 7 и др.].

Определенное влияние на формирование представлений об общественном строе населения ямной общности оказала идея Е. Е. Кузьминой, согласно которой в степных социумах эпохи бронзы могла иметь место трифункциональная социальная структура, отраженная в «Ригведе» и «Авесте». При такой структуре в общество существуют три социальные группы (сословия): воины, жрецы, рядовые общинники [8, с. 55; 9, с. 115]. Е. Е. Кузьмина допускала трифункциональность срубного и андроновского обществ, а для ямного ограничивалась констатацией существования в нем социальной дифференциации, предполагая наличие сословия военной знати, принадлежность к которому наследовалась [9, с. 110; 10, с. 184–185, 199]. Идея Е. Е. Кузьминой позволяла конкретизировать представления об общественном строе степных племен, но она стала абсолютизироваться. Появились работы, авторы которых находили трифункциональную структуру в самых различных социумах: ямном Поингуля [5], ямно-полтавкинском Волго-Уралья [11, с. 4], среднедонском катакомбном [12, с. 173–176], срубном Левобережной Украины [13, с. 32] и Поволжья [14, с. 33–35], белозерском [15] и других. Несомненно, трифункциональная социальная структура могла иметь место в степных обществах бронзового века, но не стоит считать ее универсальным явлением. Применительно к каждой конкретной культуре, а в случае с большими общностями — применительно к каждому региону следует сначала делать анализ археологического материала, а потом уже смотреть, какой схеме могут соответствовать полученные выводы. Если же начинать поиск с посылки, что структура рассматриваемого общества могла быть трифункциональной, то велика опасность вольно или невольно найти следы данной структуры даже там, где их нет.

Мы попытались рассмотреть эту проблему на материалах ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. В данном регионе ямные памятники и очень многочисленны (около 2,5 тыс. погребений; в работе использовано 2135), и очень яркие. Была ли трифункциональная структура здесь? Одним из важнейших признаков трифункциональности общества, исследуемого на археологическом материале, является, на наш взгляд, наличие в нем специализированной группы военной знати, в пределах которой имело место наследование статуса.

Рассмотрим, кто мог быть носителем военной функции в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья. Когда ставится подобный вопрос, возникают трудности, порой — непреодолимые. Не во всех обществах принадлежность к военной функции маркировалась в погребальном обряде, или она могла отмечаться знаками, которые трудно опознать. Среди опознаваемых знаков — предметы вооружения. Здесь, правда, появляется другой вопрос: что из погребального инвентаря можно считать оружием? Применительно к каждой конкретной культуре этот вопрос должен решаться отдельно, с учетом многих факторов. Один и тот же предмет в разных культурах может иметь разную семантику. Например, каменный топор в погребении фатьяновской культуры — предмет вооружения [16, с. 65, 70], а в срубной культуре — инсигния власти [17, с. 102].

Выделяя среди погребального инвентаря ямной культуры Северо-Западного Причерноморья предметы вооружения, стоит обратить внимание на кремневые стрелы. В рассматриваемом регионе нам известно 27 погребений с данными изделиями. Стрелы изредка рассматриваются не только как оружие, но и как орудия охоты [18, с. 115; 19, с. 12]. С таким подходом можно согласиться, однако стоит учесть следующее. С развитием скотоводства охота все больше отходит на второй план, порой становится непрестижной. У нузоров, например, считалось, что только при отсутствии скота мужчина может добывать пищу охотой [20, с. 69]. У монголов занятие охотой было нерегулярным и характерным не для всех групп населения [21, с. 70]. В то же время охота у них являлась развлечением знати, способом тренировки воинов [21, с. 78], т. е. мужчина был охотником от случая к случаю. Роль охотника-профессионала для скотоводческих обществ не типична. В свете этнографических параллелей представляется маловероятным, что у ямников данная роль была до такой степени обособлена и социально значима, что это даже находило отражение в погребальном обряде путем помещения в могилы орудий охоты. Материалы ямной культуры показывают, что в восточных регионах общности охота имела подсобное значение [22, с. 26]. Очевидно, ситуация в Северо-Западном Причерноморье была аналогичной. Правда, кости животных из погребальных комплексов немногочисленны, но они демонстрируют, что основным источником питания было скотоводство [19, с. 11]. А. В. Субботин считает, что об относительно широком развитии охоты свидетельствуют изделия из зубов волка, оленя и рогов оленя [19, с. 11–12]. Отметим в этой связи, что набор диких животных, интересовавших ямников, невелик: волк, олень, тур, птицы. Подвески из зубов, как и муфты из рога — предметы долговременного использования, а потому их наличие вряд ли служит аргументом в пользу того, что охота на волка и оленя имела большие масштабы. В курганах кости диких млекопитающих и птиц единичны, кости домашних животных встречаются значительно чаще, причем как в погребениях, так и в насыпи кургана или на уровне древнего горизонта. В целом, соотношение складывается явно не в пользу охоты. Отметим, наконец, что в Северо-Западном Причерноморье хорошо известны ямные погребения, где стрелы найдены в костях умерших [23, с. 23]. Отсюда видно, что лук находил широкое применение в военных стычках. Исходя из всего отмеченного, мы и полагаем, что стрелы в захоронениях ямной культуры — прежде всего оружие, указывающее на принадлежность погребенного к носителям военной функции.

Хотя часть стрел из захоронений не является инвентарем (если стрела, будучи причиной ранения или смерти, попала в могилу, находясь в теле погребенного), такие находки все равно с большой долей вероятности указывают на то, что погребенный был участником военных действий. То есть, и стрела в костях может фиксировать принадлежность умершего к носителям военной функции, но эта фиксация — не преднамеренная. Стрела в таких случаях — не есть знак воина, в отличие от стрел, которые специально положены с погребенными участниками похоронного ритуала. Из 29 захоронений региона, где выявлены каменные стрелы (помимо 27 комплексов с кремневыми, учтен 1, где стрелы были из кварца, и 1, где найдена стрела из желвачной корки), в 17 случаях стрелы находились среди костей умерших. Еще в 6 случаях данных о позиции

стрел в погребении у нас нет. В остальных 6 захоронениях стрелы можно трактовать как погребальный инвентарь достаточно уверенно. Это — захоронение из Алкалии, 33/3 [24, с. 195–196], Ефимовки, 9/2 [25, с. 108], Желтого Яра, 3/18 [26], Каменки (Украина), 4/2 [27, с. 39], Семеновки, 14/24 [28, с. 55], Пуркар, 1/38 [29, с. 82, 84]. В комплексе из Семеновки стрела, изготовленная из желвачной корки, была, возможно, votивной. Число стрел в могиле различно: 11 (Алкалия), 5 (Ефимовка), 4 (Пуркары), 1 (прочие комплексы). В погребении из Алкалии стрелы дополнены деревянным колчаном (из него они были вынуты), луком, кремневым топориком.

Кроме каменных стрел, в погребениях встречены и костяные. В 1 случае такая стрела была в теле погребенного, в 4 — стрелы являлись инвентарем. Это захоронения из Балабана, 13/18 [30, с. 61], Глиного, 1/1 [31, с. 417–418], Каменки (Молдова), 4/1 [32, с. 33], Рошкан, 1/13 [33, с. 15–16]. В последнем погребении был и кремневый топор. В погребении из Глиного выявлено 2 стрелы, в остальных — по 1. В 1 неопубликованном комплексе обнаружено 3 костяные стрелы.

Выше мы упомянули захоронения с кремневыми топорами из Алкалии и Рошкан. В Северо-Западном Причерноморье есть еще 8 погребений с данными предметами [33, с. 157–158]. Эти изделия часто трактуются как тесла. Мы полагаем, они все-таки служили оружием. Это видно из того, что ни разу данные предметы не входили в один набор с явными орудиями деревообработки, но зато дважды сочетались со стрелами. Использование ямниками кремневых топоров — специфика Северо-Западного Причерноморья. В других регионах общности кремневые топоры, широко применявшиеся в энеолите, из состава погребального инвентаря выпадают. Единственное известное нам исключение — захоронение, исследованное на Майданецком поселении трипольской культуры в ямном кургане. Здесь был кремневый топорик, аналогичный топорам из Северо-Западного Причерноморья [34, с. 134]. Интересно то, что почти все погребения с кремневыми топорами в рассматриваемом регионе — поздние в системе ямных древностей Северо-Западного Причерноморья. То есть, в военной сфере на протяжении всего ямного времени в интересующем нас регионе кремнь не сдал своих позиций.

К перечисленным захоронениям с оружием добавим еще 3 комплекса с кремневыми копьями или дротиками: Дивизия 11, 6/3 [35], Слободзея, 4/8 [36], Червоный Яр, 1/6 [37]. В сводку включены также 2 погребения с каменными проушными молотами [33, с. 157]. Ранее мы допускали, что эти молоты могли быть семантически равнозначны каменным проушным топорам, т. е. являться инсигниями власти [33, с. 147]. Сейчас нам представляется, что молоты скорее могли быть оружием. Мы исходим из того, что оба захоронения с молотами ординарны, в отличие от большей части погребений с проушными топорами, которые демонстрируют такие знаки высокой социальной позиции, как курган или досыпка над погребением, большая яма. Кроме того, в регионе выявлены доямные и ямные захоронения со своеобразными, сделанными тупыми предметами, травмами на черепах [27, с. 36; 38, с. 26–27, 28, 30]. Считается, что удары нанесены обухами топоров, но нам это кажется маловероятным. Непонятно, почему удары наносились именно обухом. Удар лезвием был бы более эффективен, но явных следов рубящих ударов на черепах нет. Отсюда уместно предположить, что загадочное оружие, оставлявшее подпрямоугольные или округлые проломы, было все-таки молотом.

Итак, всего учтено 24 захоронения с предметами вооружения, что составляет лишь 1,1 % на фоне рассмотренного массива ямных погребений Северо-Западного Причерноморья. Следовательно, можно допустить, что не все лица, имевшие отношение к военной функции, погребались с оружием. Интересно, что в срубной культуре Поволжья удельный вес захоронений с оружием — примерно такой же: около 1,0 % [17, с. 103]. Набор вооружения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья специфичен в сравнении с другими регионами общности. Так, в Побужье, Приазовье, на Донетчине среди предметов вооружения, выступающих как погребальный инвентарь, почти безраздельно господствуют копья и дротики [39, с. 44, 46; 40, с. 12; 41, с. 25, 26]. В этих регионах процент

погребений с оружием столь же низок, как и в Северо-Западном Причерноморье. Среди примерно 1400 комплексов южнобугского варианта в 14 были копья и дротики, в 1 — кремневый «кинжал» (Антоновка, 5/7), который, судя по его позиции в могиле, скорее всего также был копьем. С некоторой долей вероятности сюда можно добавить и бронзовый кинжал с литой рукоятью [39, с. 44, 46; рис. 68, 5]. В сумме это составляет около 1,1 %. В Северо-Западном Приазовье на 589 ямных погребений — 10 комплексов с копьями и дротиками [40, с. 12], что дает показатель около 1,7 %. В ряде погребений данного региона выявлены кремневые стрелы, но, в основном, инвентарем они не являются. Аналогичную картину мы видим и в Орельско-Самарском междуречье. На 493 погребения приходится 6 дротиков и 2 стрелы [42, с. 79, 90]. Среди восточных территорий показательные материалы Калмыкии. Здесь нами учтено 225 ямных захоронений, и лишь в 1 выявлено оружие — 2 стрелы, размещение которых таково, что они могут считаться инвентарем [18, с. 39]. Итак, в большинстве регионов ямной общности, если не во всех, захоронения с оружием составляют ничтожный процент.

По 22 погребениям с предметами вооружения Северо-Западного Причерноморья информация у нас полная, и их можно сопоставить с моделью рядового погребения [23, с. 26]. С 2 погребениями, содержащими оружие как инвентарь, связано сооружение курганов, 5 имели большую могильную яму. В целом, 31,8 % комплексов демонстрируют такой важный социально значимый признак, как повышенные трудовые затраты. Семь погребений (31,8 %) отличаются от модели рядового погребения только присутствием оружия. Остальные имели от модели то отличие, что, помимо оружия, там был и другой инвентарь. Дважды в комплексах с оружием встречены инсигнии власти: булава (Алкалия) и каменный проушной топор (Пуркары). Такой знак властителя, как повозка, в рассматриваемом регионе сочетаний с оружием не демонстрирует.

Сопоставляя матрицу погребений с оружием, с одной стороны, и массивы погребений с каменными проушными топорами и повозками, с другой, можно обнаружить, что воинский массив дает более низкую степень выраженности повышенных трудовых затрат. Если для данного массива показатель составляет 31,8 %, то для погребений с топорами — около 50,0 %, для погребений с повозками — около 88,9 %. Поэтому напрашивается вывод, что лица, погребавшийся с оружием, занимали в целом более низкую социальную позицию, чем властители, и, однако, у части воинов позиция эта была достаточно высока.

Но из кого могло формироваться воинство? Здесь уместно обратиться к этнографическим материалам, что позволит выявить возможные варианты. Нами были учтены данные о 60 обществах степей и пустынь, в экономике которых скотоводство играло более или менее существенную роль. В зависимости от того, кто был носителем военной функции, удалось выделить такие типы воинства:

- «народ-войско» (НВ). Здесь носители военной функции — все боеспособные мужчины. Прослойка лиц, монополизировавших военную функцию, отсутствует. Классические примеры — половцы, монголы XII в., нуэры, сомали;
- воинство в виде мужских союзов (МС). Тип этот хорошо представлен у индейцев прерий. Как и при типе НВ, здесь носители военной функции — все мужчины, но различие типов заключается в том, что мужские союзы выступают в военных действиях как стабильные единицы, а в обществах с типом НВ военные формирования собираются по генеалогическому принципу и каждый раз — в новом составе. В обществах с воинством типов НВ и МС может существовать военизированная знать, которая милитаризирована, но от производственной функции не оторвана. Примеры — дунху, доисламские арабы, команчи;
- воинство в виде возрастной группы (ВГ). В классическом виде тип зафиксирован у скотоводов Восточной Африки, но, судя по реликтовым проявлениям, в древности имел место и у скотоводов Евразии [43, с. 193–194];
- воинство в виде военной знати (ВЗ). В отличие от военизированной, военная знать уже практически не занята в производственной сфере, образует особое

сословие, как это мы видим в ведическом и авестийском обществах, у средневековых курдов;

- воинство в виде дружины (Д). Примеры — древние евреи, огузы. Данный тип не является самостоятельным. Обычно он дополняет типы НВ и ВЗ;
- воинство как этносоциальная группа (ЭГ). Тип возникает, когда один этнос подчиняет другой и в полном составе образует военную элиту. Это имело место, например, у туарегов, в обществах Африканского Межозерья, Уйгурском и Кыргызском каганатах.

Данная классификация уже публиковалась нами ранее [44, с. 81] и успела получить поддержку [45, с. 4]. Попробуем применить ее в случае с ямными погребениями Северо-Западного Причерноморья. Конкретизировать ситуацию помогут данные антропологии, имеющиеся для части погребений. В 5 случаях, когда стрелы найдены в костях умерших, последние были мужчинами 25–60 лет. Оружие как инвентарь выявлено в погребениях 4 мужчин 50–60 лет, мужчины 35–45 лет и подростка. Отсюда видно, что говорить о типе ВГ не представляется уместным, ибо в обществах с данным типом воинства носителями военной функции были, в основном, молодые люди. Вряд ли воинство являлось и особой социальной группой, тем более сословием. В таком случае нужно ожидать существование детских погребений с оружием и наличие могильников с несколькими неординарными воинскими захоронениями, что отражает наследование функции. Подобную ситуацию мы видим, например, в усатовском обществе [35, с. 38], раннесрубном обществе Среднего и севера Нижнего Поволжья [44, с. 81–82]. Тип ЭГ для ямников Северо-Западного Причерноморья тоже исключен, как исходя из ординарности значительной части воинских погребений, так и учитывая то, что погребения с оружием принадлежат к разным обрядовым группам по принятой классификации [46, с. 44–48]. В частности, к I обрядовой группе, которая оставлена населением, доминировавшим в регионе [47], относятся 4 погребения, к II группе — 7, к III — 9. По прочим захоронениям данных нет. Итак, наиболее вероятно то, что носителями военной функции в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья были все боеспособные мужчины, этот тип воинства наиболее характерен для скотоводов степей Евразии. Но в нашем случае, видимо, лишь тех, кто имел определенные военные заслуги, приобретенные в течение жизни, погребали с оружием. Отсюда старческий возраст части погребенных.

Таким образом, нет серьезных оснований для допущения, что в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья воинство было специализированной функциональной группой, а соответственно и гипотеза о трифункциональности данного общества едва ли может иметь право на существование. Нет также оснований говорить о военном пути политогенеза, ибо только 2 из 28 погребений с инсигниями власти, учтенных нами в регионе, содержали оружие. «Сильная фигура военного вождя с широкими управленческими функциями» [48, с. 70], возможно, и предстанет перед нами, если мы обратимся к материалам востока общности, например, Приуралья, но ямное общество Северо-Западного Причерноморья этой фигуры не демонстрирует. Для сравнения, если обратиться к срубной культуре Среднего и севера Нижнего Поволжья, то здесь в ареале воинских погребений нами учтено 31 захоронение с жезлами (знаками власти). В 10 из них были предметы вооружения, т. е. примерно в каждом третьем. Верно и обратное: треть воинских погребений содержала жезлы [17, с. 103]. Это достаточно ярко отражает военный тип политогенеза. В этом же регионе срубной общности мы найдем пример трифункциональной социальной структуры. Здесь очень выразительны не только погребения воинов, но и захоронения служителей культа [14, с. 33–35]. Но в пределах срубной общности данная ситуация аномальна. Другие территории доказывают нам бифункциональную структуру (служители культа и носители производственной функции). Очевидно, и среди ямных социумов были такие, где трифункциональная структура имела место. Но пока ни для одного региона трифункциональность общества надежно не обоснована.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы //ИГАИМК. — 1935. — Вып. 119.
2. *Кузьмина Е. Е.* Находки колес в ямных погребениях и вопрос об этногенезе индоиранцев, их религиозных представлениях и социальной структуре общества //XV наукова конференція ІА АН УРСР. — Одесса, 1972.
3. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. — М., 1974.
4. *Марина З. П.* Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнеямого общества//Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск, 1981.
5. *Довженко Н. Д., Рыжков Н. А.* К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988.
6. *Генинг В. В.* О социальной структуре явного населения Нижнего Поднепровья //Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990. — Ч. I.
7. *Моргунова Н. Д.* К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (По материалам степного Приуралья)//Древняя история населения Волго-Уральских степей. — Оренбург, 1992.
8. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977.
9. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.
10. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев//Переднеазиатский сборник. — М., 1986. — Вып. IV.
11. *Васильев А. С.* Предисловие//Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара, 1995.
12. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. — Воронеж, 1983.
13. *Ковалева И. Ф.* Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). — Днепропетровск, 1989.
14. *Циміданов В. В.* Час виникнення легенди про походження скіфів//Археологія. — 1992. — № 1.
15. *Иванова С. В.* Погребальный обряд и социальное устройство населения белозерской культуры//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1989.
16. *Крайнов Д. А.* Фатьяновская культура//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
17. *Цимиданов В. В., Евглеевский А. В.* Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности//Археологический альманах. — Донецк, 1993. — № 2.
18. *Эрдниева У. Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. — Элиста, 1982.
19. *Субботин А. В.* Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья //Древности Причерноморских степей. — К., 1993.
20. *Эванс-Причард Э. Э.* Нуэры. — М., 1985.
21. *Жуковская Н. А.* Категории и символика традиционной культуры монголов. — М., 1988.
22. *Шилов В. П.* Проблема происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе //Древности Калмыкии. — Элиста, 1985.

23. *Иванова С. В., Цимидапов В. В.* О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности//Археологический альманах. — Донецк, 1993. — № 2.
24. *Субботин А. В.* Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья //РА. — 1995. — № 3.
25. *Шмаглый Н. М., Черняков И. Т.* Курганы на левобережье Нижнего Днестра //Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985.
26. *Субботин А. В., Острроверхов А. О., Дзиговский А. Н., Чернов С. И.* Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1981 г.//Архив ИА НАНУ. — № 1981/7.
27. *Алексеева И. А.* Курганы эпохи палеометалла в Северо-западном Причерноморье. — К., 1992.
28. *Субботин А. В.* Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985.
29. *Яровой Е. В.* Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. — Кишинев, 1990.
30. *Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П.* Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1969.
31. *Яровой Е. В.* Работы Слободзейской экспедиции//АО-82. — М., 1984.
32. *Манзура И. В., Ключко Е. О., Савва Е. Н.* Каменские курганы. — Кишинев, 1992.
33. *Иванова С. В., Цимидапов В. В.* Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья//Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. — Запоріжжя, 1988. — Вип. IV.
34. *Шмаглый Н. М., Видейко М. Ю.* Исследования кургана эпохи бронзы на трипольском поселении у с. Майданецкое//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988.
35. *Субботин А. В., Фокеев М. М., Сапожников И. В.* Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1986 г.//Архив ИА НАНУ. — № 1986/3.
36. *Азульничков С. М., Девинский А. Н.* Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1991 г.//Архив ИА и ДИ Республики Молдова (Кишинев).
37. *Алексеева И. Д.* Отчет о работе Днестро-Дунайской археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1975 г.//Архив ИА НАНУ. — № 1975/87.
38. *Зиньковский К. В., Петренко В. Г.* Погребения с охрой в усатовских могильниках //СА. — 1987. — № 4.
39. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. В., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант)//САИ. — К., 1986. — Вып. В1-3.
40. *Рассамакин Ю. Я.* Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1992.
41. *Кравец Д. П., Посредников В. А.* Памятники эпохи ранней бронзы Донетчины //Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989.
42. *Ковалева И. Ф.* Север Степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984.
43. *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приуралья. — М., 1984.
44. *Цимидапов В. В.* Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья //Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград, 1996.

45. *Нелин Д. В.* Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 1999.
46. *Яровой Е. В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. — Кишинев, 1985.
47. *Иванова С. В.* Носители ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье//Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. — Белгород-Днестровский, 1990. — Ч. II.
48. *Зданович Д. Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. — Челябинск, 1997.

Summary

S. Ivanova, V. Tsimidanov. Military in the Pit Society of the Northwest Black Sea Coast

In the article the problem of social structure of the inhabitants of the pit community in the territory of the Northwest Black Sea Coast is analyzed. Existence of the specialized group of the military nobility, the usurpers of military function in the society, is one of the major features of the trifunctional structure. Belonging to it was marked in a funeral ceremony by presence of arms units in a tomb. In the analysed 2135 funeral complexes, arms units — arrowheads, flint axes, stone fighting hammers — are found in 24 only that makes up 1,1 % of the sampling. The similar percentage correlation of burial places with weapons is fixed for other regions of the pit community as well. On the Northwest Black Sea Coast only 31,8 % of burial places with arms units are connected with such socially significant feature as increased labour expenses during the burial (creation of a burial mound, additional filling, considerable sizes of a funeral construction). The anthropological data attest presence of weapon in burial places of persons of all age categories.

On the whole, the available data testify that in the pit society all capable men were carriers of military function whereas presence of arms units in a tomb can be considered as a sign of certain military merits of the buried person. It does not allow to accept univocally a hypothesis of trifunctional structure of the pit society and accordingly of existence of the specialized military estate.

